

22 МАЯ 1948

Александр Пушкин

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ Л. ДЭЛЯ-ЛЮБАШЕВСКОГО

В Ленинградском драматическом театре начались генеральные репетиции пьесы Л. Деля Любашевского «Александр Пушкин».

Пьеса рассказывает о годах ссылки, проведенных великим русским поэтом в селе Михайловском. Здесь Пушкин находился под пристальным надзором царского правительствa.

Поэт тяжело переживал свою оторванность от друзей. Пушкину казалось, что, находясь в ссылке, он ничем не поможет делу борьбы с самодержавием и крепостничеством, которую ведут члены Тайного общества. Но друзья считали поэта своим вдохновителем. Они знали, что его свободоборные стихи, расхопившись в списках по всей России, приносят огромную пользу, ведут людей на борьбу, на подвиг во имя священной революции, по имя счастья Отчизны.

В ночь 11 января 1825 года к Пушкину приехал его лучший друг, будущий декабрист Иван Иванович Пущин. (Их встреча показана в заключительной картине пьесы).

Это был один из самых счастливых дней в жизни великого поэта. Друзья вспоминали лучшие годы, говорили о светлом будущем России, читали только что написанную в списках пьесу Грибоедова «Торжествуй».

После прочтения пьесы возник жаркий спор.

Пушкин (горячо). А знаешь, кем должен быть твой автор? Кем? Молчишь? Почему?

Пушкин. Не знаю, потому молчу.

Пушкин. Знаешь и потому молчишь. Общество, которое рисует лаят, разве не причиняет горя каждому, кто имеет светлый и честный ум? Превосходный русский молодой человек должен хотеть свергнуть этого общества! Не так ли? Хотеть всеми силами своего ума и сердца! Ты это знаешь и потому молчишь. Политическое неурядиство всей Европы, — а России больше всех, потому что нам хуже всех, — должно совершиться народами, никогда не царской милостью, от ко-

торой ждать злы — полнейшая леплощца.

(Оба ходили возбужденные по комнате. Пушкин остановился против друга и взял его за лацкан мундира).

На тебе — судейский мундир, Пущин. Ты и без мундира — олицетворение Справедливости, ответь мне, другу своему: ты состоишь в Тайном обществе?

Пушкин (после долгого молчания, очень строго). Я до последнего дыхания принадлежу Обществу и пойду с ним до конца.

(Пушкин спустил руки).

Пушкин. Три года тому назад, — а этот день помню, как три дня

тому назад, — в Камение я застал в сборе группу близких мне людей. Я понял, что происходило совещание членов Тайного общества. Я сказал, что хочу быть их братом, тогда они обернули в шутку и свое собрание и мою просьбу. Я никогда не был так несчастлив, как в ту минуту. Я уже увидел перед собой волеюю цель, и жаждал сию благотворенную, — а все это в миг было обращено в злую шутку. Ты все молчишь, Пущин?

(Пушкин молчал. Это была для него минута тяжелейшего испытания, когда хотелось броситься к другу, взять его за руку и повести за собой, но он молчал).

Пушкин (продолжая). Ты прав, судья! Я слишком легкомыслен для тайного общества. Я слишком болтлив. Я слишком легко от оды «Вольность» бросаюсь в объятия альбомного мадьягала, и я «Дерюшка», которому вы, я знаю, уважаете, падаю прямо в похабное ложе «Гавриляды». Вы правы: такому человеку вы не смеете доверить судьбы Общества, а стало быть, и судьбу России!

(Он резко отвернулся от Пушкина и вышел вон из комнаты. Пушкин тяжело опустился в кресло. Няня вошла встревоженная).

Няня. Что с Сашенькой? Господи! Возьмите вы его с собой. Что ему тут со старухой пропадать? Неумиленный оп. Господи милостивый! Друзья-то его с самим царем-батюшкой на одних парах гуляют, уж и не желая выхлопотать вольную такому человеку, чай, не крепостной. Или и впрямь забыли тут его в снегу друзья-то? Скажи ты мне, старой, правду. Иван Иванович.

Пушкин. Нет, няня, не забывай. Вся Россия читает его стихи. Вся необъятная Россия любит его. Все друзья гордятся им. Перед царем и Жуковским, и Карамзиным Николай Михайлович, и кто может ходатайствуют. Но твердо царю сердце, твердо, как камень. Надо ждать, няня, ждать, а мне — молчать. Обидел его молчаньем, ушел от меня сейчас. И тебе, нянька, сказать по-моему, по ты мне повери, — может быть, к лучшему, что собственноручно лорны сдерживало противу воли волеюю сердца, может быть, выслушай Промысел в том, чтобы ему остаться в стороне от надвигающейся грозы, но быть участником в ней и сохранить свой гений для пользы народной. А буде солнце обернет споллучи вы нас, и победу дарует нам Правда, то быть нам всем счастливы.

Няня. Мудрые речи твои не в моем уме слушать. Дай нам бог добра и счастья! (она перекрестива его).

***

(И уже поздней ночью друзья прощались. Свечи озаряли три фигуры: илино, дремлющую в кресле, и у стола — обоих друзей. Шел последний час свидания. Тихо дымилась трубка. На козлеях Пушкина лежала рукопись. После молчания он приподнял ее листы и сказал, полный тяжелого раздумья.)

Пушкин. И вот, если хочешь, эпитог к моим «Цыганам». Ты устал? Он коротко. На нем еще черепка не просохла.

Пушкин. О чем ты спрашиваешь? Боже, как прекрасен день! Читай, читай же!

Пушкин (читает, почти не заглядывая в листы).

Волшебной силой неслепеы В туманной памяти моей Так оживляются видения Тео светлых, но печальных дней. (пропускала страницу)

Но счастья нет и между нами, Пророки бедные сыны, И под издранными шатрами Жмут мучительные сны, И наши сны кочовые В пустынях не спаслись от бед. И всюду страсти роковые, И от судеб защиты нет! (он чуть выделил последние два стиха и умолк).

Все, Пущин, все!

Пушкин (тихо). Прекрасно, друг мой... (сво пладе дрожащей рукой, Пущин налил бокалы). Последняя чашка. (С минуту друзья помолчали. Пущин продолжает): Александр, прошу тебя выслушать спокойно, иначе я не могу уехать от тебя. Ты не состоишь в Тайном обществе потому, что мы бережем тебя. Твой голос не должен умолкнуть для России никогда, ли в тот день, когда нас может постигнуть леудата. И мы бережем себя, наше общее дело, потому что ты ведь — под надзором. И, наконец, самое главное, разве ты и без того не являешься нашим вдохновителем? Кто из нас может лучше тебя выразить те мысли и чувства, за которыми люди идут на подвиг во имя Свободы.

Выше же последний беда...

нашу многострадальную Родину! За священной Вольности! И... не оторгай души, нырва, за тебя, Саша!

Няне не осталось ни капли...

Пушкин. Няня спит. Третий час ночи. Отрада моя спит... Не будем ее тревожить. В голове моей зреет план трагедии о Борсе Годунове, о смутном времени, о Гришке Отрепьеве. Здесь рядом стоит Святогорский монастырь, село Воропши. Через эти места лежал путь из Польши и Литвы на Москву. Место это было нашей границей и крепостью. Через Воропши проходил Дмитрий Самозванец со своими войсками. Сюда приезжал Иван Грозный и по его приказу в XVI веке построена монастырь. Здесь сохранились жиние предания и рукописные летописи. непременно, Пущин, прихвати сие X и XI том «История Государства Росейского», потребуй, если надо, от самого Николая Михайловича присылки этих книг. Карамзин не откажет, особенно когда уласт, для чего прошу. И журнали, и стихов, ради бога, стихов, да свежильки! И друзья, друзья, пора применить много почести поганья на радость симдаль! О, боже, боже, как кружится голова от того, что я не успею тебе сказать всего, что пахнет у меня в душе горького и светлого, смутного и светлого. И Жуковскому, и Вяземскому, и Кюхле, и Дельвигу, и всем урядам моим на линоне, и всем кровоизлиян петербургским и московским сказать, что Пушкин жип и требует памяти и любви! Жинно!.. Неужели я должен сказать тебе сейчас: Прощай! Прощай сейчас, прощай, быть может, навеки. Грядущее томно.

«И всюду страсти роковые И от судеб защиты нет!»

Уже питаю самого себя! Б зорту! Последний глоток, за тебя!

(Он с перасчитанной силой чокнулся своим бокалом. Пущин выронила из рук чашу, и последние ее капли пролились на пол. Серебряная чаша лежала у его ног).

Пушкин. Пичого! Я выпью теэ этой. Не огорчаея.

Пушкин (вдруг обитый каким-то суеверным страхом, вцепился в друга). Жинно!

Пушкин. Что с тобой, Саша? Саша! Пушкин. Это скверный знак, Жинно.

Пушкин. Какое пустяк. Я верю только в светлое будущее, плаче я бы не жля на этом свете.

Александр (вшел в полугубе, подползающий красным кушалам). Лежал стовы, Иван Вяземович.

Пушкин. Все.

(Пушкин опустилс на стул, без мысли, без сил. Пришел Алексей и Пущин. Надо было прощаться. Пущин взял спичку со стола. Поесперулась стена, открыл опять крыльцо. Там стояли сани, обернутые с сторону ворот. Алексей сел на облучок. Пущин обнял друга).

Иди же в дом! Саша! Это же певса-можно!

(Он бегом бросился в сани. Алексей взял спичку. Пушкин стоял, застыл на крыльце, без шапки, без шубы. Сани тронулись, и через мгновение только ветер доносил удаляющийся звук колокольчика да астер же задалу свечу в руках Пушкина. Тинина стояла, окутанная морозом, и уможал ладни колокольчик, увозя друга совсем, навсегда).

Ответственный редактор А. ВАСИЛЬЕВ